

Наталья КОЖЕВНИКОВА

Родилась г. Бузулук Оренбургской области. Главный редактор литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Гостиный Двор». Автор трёх поэтических книг, публикаций в сборниках, антологиях, журналах «Москва», «Подъём», «Простор», «Невский альманах», «Дон» и др. Лауреат многих литературных премий.

Вербное
Живая вешняя вода
Сквозь поры снега проступила,
И раскачала провода
С утра неведомая сила.
Лохматых галок согнала
С ливневых крыш на тротуары,
Где вместе мусор и зола,
Торговцев скудные товары.
Где до земли асфальта пласт,
Стекло и соль под каблуками,
Где бедный нищему подаст
Калач дрожжащими руками.

Великий пост. Все — догола —
Дубы стоят, не зная срама.
Молчат ещё колокола
В миру единственного храма.
Но от окраин — вербный дух,
Но время вечностью палимо.
И радостно поёт петух,
Как в рощах Иерусалима.
Ах, Господи, какая синь
Порой заглядывает в сени!
Исчезну я. Но не отринь
Земли, упавшей на колени...

В руках дрожит и тает верба,
Как предрасветная свеча.
О, древность выбранного герба
И лентя Анны у плеча!
Всё — прах и может только сниться.
Разбит и цит, где ночь и день,
Гуляет хитрая куница,
И воздух слушает оленя.
А что взамен? Я вижу гору,
Дымы в суровых небесах,
Осколок плуга, птичью сорю
И тень в разрозненных лесах.
Так вязнут ноги в серой глине,
Так горек вербы первоцвет!
В библейской сумрачной бытине
И в русском доле брезжит свет.
Кричит таинственная птица
О сладкой вольности разлику,
И всё настойчивей мне мстится —
За той горой — Бузулук.

Цветут небесные поля.
Избулочных — волна ванили.
Сегодня праздник — тополя
Грачи крылами осенили.
Хочу заплакать — не могу,
Зима уходит за пригорки, —
Пусть там, в каком-нибудь логу
Снегов дождь вывет корки.
А здесь невысохший асфальт
И в окнах музыка живая.
И только раз воскликнет альт,
Щемящей боли не скрывая,
Вспоминает старое, да Бог
Не даст ему печальти душу,
И солнце ляжет на порог
Дыханье собственное слушать.

Час весны
О, наконец
печальный ход нарушен!
Проснулась роща в ласке синевы,
И вздрогнули измотанные души
От этой детской нежности листы.
А прошлый путь —
в колдобинах и дыме,
И думалось, что нет судьбы иной.
Стреляли в нас —
жестокими, литыми —
То подлюстью,
то пошлостью земной.
Сказало время: к чёрту говорильню,
Отныне клёны — наши мудрецы!
И прорастают пепельные крылья
Мучительно сквозь раны и рубцы.
А синь вскипает молодой брагой!
Опять бродить по лесу без конца,
Сидеть на пне и почему-то плакать,
Не пряча осяянного лица...

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

Родилась в Кирове, живёт в Подмоскowie. Окончила Литинститут им. А.М. Горького. Автор 18-ти книг, 11 из них — поэтические. Лауреат литературных конкурсов им. А.Платонова, А.Толстого, А.Белого, «Добрая лира», «Литературная Вена». Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России.

Под неоглядной шедростью небес,
В гармонии целительного света...
Деревенские окна
Вот калитка. Палисадник,
В земле вросший добрый дом,
Печь... И в сердце нет досады,
Упований на потом.
Потому ль не одиноко
В этой сельской глубине,
Что река сияет в окнах,
Что увалы — в тишине,
Потому ли зреет песня,
Душу лечит благодать,
Что из окон деревенских
Очень многое видать?..
Золотой ключик
Ещё слепы рассветные минуты,
Ещё закаты выстроены ржой,
И не на что надеяться как будто,
И прислониться не к чему душой...

Потому ли зреет песня,
Душу лечит благодать,
Что из окон деревенских
Очень многое видать?..

Потому ли зреет песня,
Душу лечит благодать,
Что из окон деревенских
Очень многое видать?..

А юный март не знает ничего-то
И ветерком летит через пороги,
И солнце свою вечную работу
С улыбкой совершает, ей же бог.
И щедрый свет на небе прописался,
Уже почти что царствует весна,
И с радости сегодня наливался
Сосед, добыв дешёвого вина.
Весна чарует, латится, смеётся,
И может, в этой миссии святой
До каждого в России доберётся
И повернёт свой ключик золотой!

И всюду просыпалась красота,
И, что ни тропка, —
за собой манила...
Какая-то неясная мечта
Разбуженную душу окрылила,
Казалось, в мире нет других чудес
И нет огромной радости, чем эта, —

Как засветился, ожил старый лес,
Когда, пролившись,
вдаль уплыли тучи!
И был отменным воздуха замес,
И даже воробьи взлетали круче.

Лариса КЕРЧИНА

Поэт, публицист, переводчик, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор трёх поэтических книг. Печаталась в центральных и региональных литературных журналах: «Иностранная литература», «Наш современник», «Арион», «Бельские просторы» и др. Лауреат всероссийских конкурсов поэзии «Родники вдохновения» и «Чем жива душа».

Покая нет и, видимо, не будет
До той поры, пока мелькают дни
В круговороте монотонных судей.
Безумию отчаянья сродни

Несётся жизнь. И неостановима
Её несокрушимый ритм и бег.
Ужель не видишь,
жизнь несётся мимо,
Великий и ничтожный человек!

Останови прекрасное мгновенье,
Замедли бег, дыханье затая.
И напиши кровавые сомненья
На ветреном листке календаря.

Грешно смотреть,
как утпывают в вечность
Любовь и боль, а с ними —
человечность.

Говорить о высоком
не стоит большого ума.
Но в словесной пыли
так легко показаться гигантом.
Поднебесная вьсь —
это просто большая тюрьма,
Где отчаянный узник
стремится прикинуться франтом.

Ловит воздух свободы,
вдыхая тюремный дурман,
Он как будто парит,
восходя по условным ступеням.
Лабиринты иллюзий —
всего лишь банальный обман,
И душевный пожар
обернётся пожизненным тлением.

Единицы нащупают стелу,
задумав побег.
Одинокие иноки
суть постигают в молчанье.
Большинство, озираясь в смятенье
на прожитый век,
Изоидётся цитатами
и не придёт к покаянью.

Спицы бетонных высоток,
пронзающих небо,
Режут пространство
провалами ярких глазниц.
И попадая в режим
монотонного бега,
День пролетает мгновенно
и падает ниц.

Ночь, окрылённая пафосом
ближнего завтра,
Испепеляет мечты
и торопится спать.

Двух нерождённых цыплят
разбивает на завтрак
Мутное утро, которое мне не догнать.

Мне не догнать эту армию
жадных желаний,
Не переплыть это буйное море страстей,
Старых, как мир, и привычных,
как плед на диване,
Сильно пропахший
шуршащем газетных статей.

Мне не понять
эту страшную силу искусства —
Лестницу в небо
сменил золоченный мост.
Голая правда трясёт силиконовым бюстом,
Тупо копируя мощи искусственных звёзд.

После бала
Прозрачное царство волшебных теней.
Наполнили вдруг ароматы жасмина.
И шарканье ножек под звук клавишина
Становится громче, а звуки — ясней.

Заботы скрывает старательный грим.
Причудливы маски, изысканны речи.
И взгляд кавалера, как выстрел карточки:
Прекрасная дама танцует с другим.

Закончится бал. И проводят гостей
Под пышные звуки бравадного марша.
Прекрасная дама уснёт секретаршей,
Безумный ревнивец нальёт себе шей.

Покидая обитель зла
В нагоде окрылённых мук,
Разорвать бы и сечь доглы
Эту сеть круговых порук.

И окажется не с руки
Посагать на чужую роль.
На исходе моей тоски
Разольётся живая боль.

Бесы тешатся неспроста,
Соревнуются — кто кого...
Боль нужнее, чем пустота,
Это лучше, чем ничего.

Вначале было слово, а потом
Восторг и боль, покой и удивление.
И вечные вопросы «почему?»...
Года текли, а мама мыла раму,
И маме было часто не до книг.
И вот уже отец — почти старик,
Сын постепенно превратился в папу.
И снова слово, и восторг, и боль,
И снова горький плач от первой раны.
Уже другая мама моет раму —
И в этом соль.

Ольга ДЬЯКОВА

Родилась в Москве, окончила Тимирязевскую академию и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А.М. Горького. Автор двенадцати книг. Лауреат премий журналов «Москва» и «Литературная учёба», альманаха «Московский Парнас», премии Козьмы Пруткова в жанре сатиры и других. Член Союза писателей России.

Святки, два зеркала, свечи.
Всё это было давно.
Прошлому брошусь навстречу —
Воском растает оно.

Воюющий ветер, негодник,
Не исчерпал свой запас,
И тяжелей, чем колодник,
Двигается утренняя тень.

Разве вернёшь ворожьей
Тех, кто стоял за судьбой?
Тайны стихами открою,
Где он, мой ключ золотой?

Мы ловим взглядами созвездья,
Но нашим мыслям не сойтись.
И воды синего безбрежья
Дождём из звёзд прольются вни.

Они пройдут, как люди, мимо,
Скрывая судьбы, имена.
Я счастлива, что нелюбима,
Но может, полюблю сама.

И всё же, жизнь гореть заставит
Воздушный мир усталых душ.
И бог любви, что мною правит,
Был только на минуту чужд.

Пенелопа
Днём ткала покров Пенелопа,
ночью же распускала то,
что успевала соткать за день.
Гомер

В сердце тихо, не бывает тише.
Преданность в любви —
всего превыше.

Неутешность долгих ожиданий
Знала та, что распускала ткани.

Паруса во сне она чинила,
Чтобы в них звенела ветра сила,
И желанный в вихре непогоды
Ночью волны рассекал, как годы.

Стану осторожной, словно нимфа.
И, подобно дочери Коринфа,
В синей небесной лагуна
Заклинаю прерванную встречу.

Пиши мне письма от руки,
Преодолев земные сроки.
Неисчерпаемость реки
Пусть перейдёт в простые строки.

И запятыми и точкой дождь
Переливает перламутром.

Одна из фразы зачеркнёшь,
Но отгадать её нетрудно.
Какая засуха в письме —
Лишь дата, подпись и прощанье.
Но даже в равнодушном сне
Горю я жаждой ожиданья.

Белою тростью слепого
Шарит в потёмках Луна.
Сладким страданием снова
В сон погружает она.

Главное — книги и люди,
Неповторимость поры.
Вечность бессонная будет
Сыпать на землю дары.

Есть в нас ранимость простая,
Властность — от солнца дана,
Речи напевность живая —
Северных рек глубина.

Мёрзлой дороги изьяны,
Русских чащоб чудеса
Выведут нас на поляны
Слушать небес голоса.

Не спалось, и за окном штормило.
Впрочем, это было слуху мило.
Парусник на полке плавил из детства
С Kompasом, стоящим по соседству.

И в камне медленно горели
Письма, что когда-то душу грели.
Он смотрел в лицо огня боялся,
Дни любви пересчитав по пальцам.

Третий час... Рука стряхнула мимо
Пепел трубки. Змейкой струйка дыма
Поднималась медленно к лепнине
И не застревала в паутине...

Северный ветер в июне
Мечется, как сумасброд,
В синей небесной лагуна
Дни непогоды несёт.

Ветка стучит онемело
В стёкла веранды в мольбе,
Помнитесь, с солнцем хотела
Я говорить о тебе.

Сколько б ветра ни бубнили,
Как бы ни гнули своё,
Люди — опасней стихии
И беспощадней её.

Сайя (Наталья) МИХАЛЁВА

Родилась в Якутии, в посёлке Туюбай. Окончила Хабаровский государственный институт искусств и культуры. Работает редактором на телевидении. Автор нескольких книг. Член Союза писателей Республики Саха (Якутия).

Сердце моё
Сегодня я острее, чем в раннем детстве,
когда все дали были голубы,
нуждаюсь в чуде,
как в последнем средстве,
и снова жду подарков от судьбы.

За жизнь обид стерпела я немало,
и мало кто на свете был мне мил.
Как будто на вершине я стояла
и ветер мне свирепый в уши вил.

И после лютых заморозков прежних,
всуну тут не щадивших, говорю:
лишь сердце моё —
трепетный подснежник —
осталось неподвластным январю.

Не перечать все ночи те, где светом
своей любви светило ты во тьме,
и сколько ран мучительных при этом
ты залечило песнями во мне.

И оттого, стучишь в груди покуда,
хочу, чтоб ледяным ветрам назло,
в тебя вошло, как шум весенний, чудо
и чтобы ты вместить его смогло.

Обманная любовь
Как курит трубку некурящий
(лишь дым в глаза пускает он!),
так и любовью настоящей
не любит тот, кто не влюблён.

Летят, лица касаясь, листья гряды,
Соединяя будничность и вьсь...
И верится, что всё совсем не просто,
Что у такого чуда — высший смысл.

И так легко мелодии запеться,
Такая благодать опять в крови...
И если чуду радуется сердце,
То нет конца ни вере, ни любви...

Как долго день был этот, где я
любовь пыталась обмануть.

Красота
Внезапно в мир приходит красота,
как в сердце вдруг
любви шестое чувство.
И, как любовь, признаний ждёт, чиста...
Как в мире без неё темно и пусто!

Любови подобно, может покорить
она сто тысяч душ счастливых разом,
найди времён связующую нить
и победить в одно мгновенье разум.

Нет, красота, ступив на хрусткий наст,
здесь как любовь назад не отступает.
Вас красота так просто не предаст,
как запросто предаст любовь скупая.

Нет, красота, и втоптанная в грязь,
не будет грязью. Ведь она, царица,
не станет, перед сильными склонясь,
пытаться среди серых раствориться.

Сильней её на свете силы нет.
И среди мрака жизни этой тленной
она — звёзды далёкой вечный свет,
летающий сквозь века моей вселенной.

Песня расставания
Ну, вот и гаснет, в памяти стираясь,
как зарево вдали, огонь костра,
и в сердце утихает, притупляясь,
боль, что была вчера ещё остра.

Вначале были свет и радость встречи,
и образ счастья в нимбе золотом,
и искренности сбивчивые речи...
Предательство пришло уже потом.

Застыв средь поля, где светло и пусто,
где сильный ветер в ключья рвёт туман,
я вижу, что моё большее чувство
к тебе уже не больше, чем обман.

Нет, по тебе я больше не тоскую,
мне ни раба не надо, ни вожда...
Стою и принимаю жизнь такую,
как свежесть после летнего дождя.

Итак — признания робкие вначале,
касанье рук, в которых таешь ты,
а после — ничего, кроме печали
и в сердце бесконечной пустоты...

Признание
Как к солнцу тянется листва,
пытаясь стянуть,
так и любовью лишь жива
на свете этом.

К тебе и в холод я, и в зной,
наверно, шла бы,
ведомая любовью той
через ухабы...

Как ждёт заснеженный алас
всуну, так жду я
любовь твою, в который раз
одна тоскую.

Как прячет ночь звезду полей —
сторит иначе,
так в сердце свет любви твоей
от всех я прячу.

Для каждого восторженного взгляда
храню улыбку нежную почти.
Мне отыскать такое средство надо,
что от любви могло б меня спасти.

Я тороплюсь туда, где суматоха
и хлопоты невинные вполне,
чтобы забыть на время, как мне плохо
и что любовь жива ещё во мне.

Сложивши крылья,
в грустном настоящем
топчу порошу, чтоб найти сейчас
разлуки путь, так трудно выводящий
из плена той любви на волю вас...

Перевёл с якутского Евгений Каминский